

КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ БЫТ ПУШКИНСКОЙ СРЕДЫ

/к проблеме влияния А.С.Пушкина на сложение норм
литературно-разговорной речи/

Среди великих деяний Пушкина преобразование им разговорной речи – едва ли не одно из важнейших.

Для изучения поставленной проблемы интересны и важны свидетельства современников о живой речи поэта.

Все, кто был близок Пушкину или кому случалось общаться с поэтом, отмечают "его живой нрав и остроту ума", проявляющиеся в разговоре ¹.

Пушкин, замкнутый в чужом официальном кругу, преображался в сфере друзей: "... в искреннем, небольшом кругу, с людьми по сердцу, не было человека разговорчивее, любезнее, остроумнее, – пишет К.А.Полевой. – Тут он любил и посмеяться, и похохотать, глядел на жизнь только с веселой стороны и с необыкновенной легкостью мог открывать смешное. Одушевленный разговор его был красноречивой импровизацией, так что он обыкновенно увлекал всех, овладевал разговором" ².

В воспоминаниях людей, близко знавших разговорный быт Пушкина, выделяется два мотива, особенно существенных для нашего анализа. Это, во-первых, свидетельство об отношении Пушкина к просторечию, к живой стихии народной речи, с ее точностью и лаконизмом наименований, с ее разнообразной экспрессией.

Дрбвь Пушкина к народной речи вызвала негативное отношение его к условным, книжным, официальным формам выражения: "Его разговор так интересен, – вспоминает Д.Фикельмон, – сверкающий умом, без всякого педанства" ³. "... невозможно быть менее притязательным и более умным в манере выражаться" ⁴.

¹ Вельтман А.Ф. Воспоминания о Бессарабии. – В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. I, с. 275.

² Полевой К.А. Из статьи Александр Сергеевич Пушкин. – В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 65.

³ Фикельмон Д.Ф. Из дневника. – В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 141.

⁴ Там же, с. 140.

Пушкина отличает постоянная истинно филологическая пытливость, страстная влюбленность в живое русское слово. В 1835 г. Пушкин пишет И.И.Лажечникову: "Позвольте счесть вам филологический вопрос, коего различие для меня важно: в каком смысле упомянули вы слово "хобот" в последнем вашем творении и по какому наречию" ⁵. Характерен комментарий этого письма в воспоминаниях И.И.Лажечникова: "Заметьте, как Пушкин глубоко изучал русский язык: ни одно народное слово, которого он прежде не знал, не ускользало от его наблюдения и исследования" ⁶.

Однако любовь к народному слову никогда не превращалась для Пушкина в простое коллекционирование языковых находок. П.А.Вяземский – один из самых близких друзей Пушкина, едва ли не самый тонкий и проницательный ценитель пушкинского речевого стиля – неоднократно подчеркивал эту сторону отношения поэта к народной речи: "Он не любил щеголять во что бы то ни стало простонародным наречием" ⁷, "в речи своей редко простонародничал" ⁸. Нельзя понимать эти слова Вяземского буквально. Их смысловой акцент – в утверждении осторожности, осмысленности обращения к "странному просторечию", в отрицании Пушкиным этнографического любования просторечием "во что бы то ни стало".

Народность речи Пушкина – в глубоком проникновении во все потенциальные возможности русского слова, его семантики, его сочетаемости, его стилистической окраски и непревзойденный дар извлекать из этих особенностей самый глубокий речевой смысл. Именно так и разъясняет П.А.Вяземский эту сторону таланта Пушкина: "Уменье употреблять слова в прямом и верном значении их, так, а не иначе, кстати, а не так, как попало, уменье, по-видимому, очень не головоломное, есть тайна, известная одним избранным

⁵ Лажечников И.И. Знакомство мое с Пушкиным. – В кн.: А.С.Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 175.

⁶ Там же.

⁷ Вяземский П.А. Из статьи "Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина". – В кн.: А.С.Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 149.

⁸ Вяземский П.А. Из "Старой записной книжки". – В кн.: А.С.Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 159.

писателям" 9.

Второй мотив воспоминаний о речи Пушкина связан с его особой манерой выражения, стилем беседы, эмоциональным тоном диалога.

Современники поэта единодушно в рассказах о вольности разговора, связанной с оригинальностью, неожиданностью суждений и острой ироничностью ума поэта. "Любимый разговор его основан на ругательствах и насмешках, и самая даже любезность стягивается в ироническую улыбку" 10, — вспоминает П.И.Долгоруков. Неоднократные свидетельства о речевых привычках поэта встречаем у И.П.Липранди: "В разговоре Пушкин был часто свободнее других..., делал свои замечания довольно резко" 11. И в другом месте: "Он мог иногда доходить до речей весьма свободных" 12. И эта свобода выражения сочеталась с поэтическим полетом мысли: "... он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-либо близком его душе. Тогда-то он являлся поэтом и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях" 13, — пишет о поэте его брат, Л.С.Пушкин.

Можно разделить глубину сожалений И.И.Пущина о невозможности восстановить богатство истинной речи Пушкина: "Среди всего этого было много шуток, анекдотов, хохоту от полноты сердечной. Уцелели бы все эти дорогие подробности, если бы тогда при нас был стенограф" 14. Однако косвенные свидетельства — письма поэта — проливают свет на его речевую практику, помогают представить, что же Пушкин считал нормой разговорности.

Письма Пушкина последнего десятилетия его жизни к жене и друзьям: А.А.Дельвигу, П.А.Вяземскому, А.И.Тургеневу, П.А.Плетне-

9 Вяземский П.А. Из статьи "Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина". — В кн.: АС Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 149.

10 Долгоруков П.И. 35-й год моей жизни, или Два дни ведро на 363 ненастья. — В кн.: АС Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 350.

11 Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний. — В кн.: АС Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 302.

12 Там же, с. 323.

13 Пушкин Л.С. Биографическое известие об А.С.Пушкине до 1826 года. — В кн.: АС Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 63.

14 Пушин И.И. Записки о Пушкине. — В кн.: АС Пушкин в воспоминаниях современников, т. I, с. 108.

ву, М.П.Погодину, В.К.Кихельбекеру, П.В.Нащокину и др. — по своим речевым проявлениям особенно близки к ситуации непосредственного общения. Раскованность мыслей и чувств, непринужденность искреннего разговора в этих письмах образно называется Пушкиным: "являться в халате, нараспашку и спустя рукава" /Письмо П.А.Вяземскому, ноябрь 1825 г./.

Как памятники русской бытовой культуры письма Пушкина были высоко оценены И.С.Тургеневым: "Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого образованного русского человека; для историка литературы они сущий клад: нравы, самый быт известной эпохи отразились в них хотя быстрыми, но яркими чертами" /И.С.Тургенев, "Новые письма Пушкина"/. Неоценим этот источник и для изучения такой стороны быта, как речевой обиход.

Обиходно-бытовая речь начала XIX в. оставалась еще в значительной степени необработанной. "Бледность разговорной речи" отмечает П.А.Плетнев /"Северные цветы" за 1825 г./: "У нас потому не говорят по-русски в гостинях, что нельзя говорить, нечем говорить, потому что нет слов, нет фраз, нет оборотов для мысли, которые так в ходу, для предметов, вокруг которых обращается светский разговор", — пишет Н.И.Надеждин /"Телескоп", 1836, ч.XXXI/.

Писатели начала XIX в. по-разному понимали задачи разговорной речи: отождествление разговорного языка салона и сглаженного среднего стиля литературы /"новый слог" Карамзина/, противопоставление стихии обиходной речи книжному языку /Шшков/, сближение обиходно-бытовой речи с литературным языком на основе широкого введения в литературные жанры просторечия /Крылов, Грибоедов, декабристы/ — таковы различные тенденции разговорной речи эпохи.

В преобразовании и развитии разговорной речи особая роль принадлежит Пушкину. Для выявления типичных черт речевого обихода начала XIX в. и активного влияния Пушкина на развитие разговорной речи показательным соотношением речевых особенностей писем Пушкина и эпистолярной его современников и друзей. Письма эти отражают важный этап в развитии обиходно-бытовой речи, когда из сырой, неупорядоченной и противоречивой речевой стихии начинает формироваться разговорная речь как особая разновидность нормированного литературного языка. Происходит своеобразная ревизия принятых форм общения, перераспределение лексических пластов: вхождение в новую

норму — одним, отвержение — других. Стилистическая окраска лексики находится в состоянии постоянной динамики.

Эта динамика стилистического статуса особенно существенна была для просторечной лексики, которая еще недавно составляла основу обиходного словаря. Так как понятие просторечия исторически изменчиво и современные нам стилистические оценки не совпадают с восприятием слов в начале XIX в. /показаниями "Словаря Академии Российской" 1806—1822 гг., "Словаря церковно-славянского и русского языка" 1847 г./, важно проследить употребление в письмах разных групп просторечия: 1/ лексики, которая квалифицируется как просторечная и словарями XIX в., и современными нам, и 2/ лексики, которая в пушкинскую эпоху не осмыслилась как просторечная и получила статус просторечности лишь впоследствии /пометы "Словаря современного русского литературного языка АН СССР в 17-ти тт. /далее — БАС/.

Для выявления стилистической динамики слов существенны контексты художественной прозы Пушкина и материалы картотек Словаря современного русского языка и "Словаря русского языка XVIII в." Института русского языка АН СССР /далее — СК/. Показателями стилистического статуса слова в языке Пушкина служат широта его кансового применения, лексико-стилистический облик контекста /у Пушкина — не обязательно однородный/, экспрессивная окраска слова, синонимические отношения лексических единиц, частотность употребления.

Просторечие первой группы и по характеру использования, и по отношению к новым складывающимся нормам разговорной речи используется в письмах Пушкина по-разному, в зависимости от своей экспрессивной или нейтральной окраски.

Разговорной практике пушкинской среды, в соответствии с общестилистической системой Пушкина, были чужды пуристические требования карамзинистов, их представления о разговорной речи как изысканно-утонченной светской беседе. Экспрессивное просторечие в письмах значительно по объему и очень активно по той общей тональности, которую оно придает контексту.

О своем отношении к грубоватой непринужденности выражения Пушкин писал в декабре 1823 года П. А. Вяземскому: "...я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном языке нашем следы европейского жеманства и французской уточненности. Грубость и простота ему более пристали".

Характерно слово "прощелыга", употребленное в ласково-шутливом письме П.А.Плетневу по отношению к друзьям, которым Пушкин собирается сделать подарок: "Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 Бориса для московских процелыг, не то разорюсь, покупая у Ширяева" /А.С.Пушкин - П.А.Плетневу, 3 января 1831 г./. Просторечное слово придает здесь контексту колорит грубоватой, но дружеской, ласково-насмешливой речи.

Грубовато-фамильярное просторечие активно не только в письмах к друзьям, но и в письмах к жене, где оно создает тональность и грубоватой искренности, враждебной всякому жеманству, и глубокой нежности, и взволнованной заботы о судьбе любимого человека. Ср.: "... как-то, мой ангел, удадутся тебе балы? В самом деле, не забрхатела ли ты? Что ты за не д о т ы к а !" /А.С.Пушкин - Н.Н.Пушкиной, 8 октября 1833 г./.

Экспрессивное просторечие в письмах к жене передает и атмосферу живого, искрящегося весельем шутливого речевого быта поэта: "О тебе гремит еще молва, после минутного твоего появления. Нашли, что ты похудела. Я привезу тебя т е т е х о й по твоему обещанию: смотри ж! Не поставь меня в лгуны" /А.С.Пушкин - Н.Н.Пушкиной, 3 августа 1833 г./.

Эта грубоватая простота выражения пушкинских писем соответствовала вольным речевым нормам пушкинской среды, создавала особый шутливо-иронический колорит речи.

Экспрессивное просторечие широко представлено и в письмах друзей Пушкина. Ср.: "хрычовка" /"На то ли тебя свел к Музам, чтобы ты променял их на беззубую хрычовку Москву?" /А.А.Дельвиг - Е.А.Баратынскому. Ю.Вержовский/, "враки" /"Не забудь портрет - мне сдается, боюсь вымолвить, что я тебя нынче не увижу, но может это враки" /П.В.Нащокин - А.С.Пушкину, май 1831 г./. С несколькими воплощением новых складывающихся норм разговорности сталкиваемся в письмах Грибоедова, где почти не встречается грубо экспрессивное просторечие, столь активное в эпистолярном слоге Пушкина и его окружения.

Не менее существенным был отход речевой практики Пушкина от разговорных норм эпохи и в отношении неэкспрессивного просторечия.

Речевая практика начала XIX в., испытывая влияние "нового слога" Карамзина, в то же время продолжала традиции речевого

быта XVIII в., с его свободным обращением к просторечной архаике. Границы неэкспрессивного просторечия в письмах современников Пушкина еще достаточно широки: ср.: "завтре" /П.В.Нацокин/, "упреждаю" /Н.А.Дурова/, "сумлеваюсь", "сумление" /П.В.Нацокин/, "ослуниться" /П.А.Вяземский/ и под. Широко представлено неэкспрессивное просторечие и в письмах Грибоедова. Ср.: "Зачем же вы ускромчили у меня жалование более, чем на месяц" /А.С.Грибоедов - К.К.Родофиникину, 12 июля 1823 г./.

Грибоедов как бы живет в этой стихии просторечия, ему еще чуждо ощущение строгой разговорной нормы.

Простонародный колорит неэкспрессивной лексики писем Пушкина значительно слабее, что свидетельствует о новом, особом понимании им нормы разговорной речи и проявляет активную роль Пушкина в сложении этих норм.

Ряд слов данной группы знаменует отход Пушкина от архаически просторечной традиции и может служить иллюстрацией важного процесса - начала изменения стилистического статуса слова, привычного для разговорной речи предшествующей эпохи. Таковы слова: "ан", "бишь", "чай", "вчерась", "вечор", "стращать", "отымать" и др.

Слово "в ч е р а с ь" Пушкиным употреблено 5 раз, в том числе в письмах дважды. Например: "Святую неделю провел я чинно дома, был всего вчерась /в пятницу/ у Карамзиной да у Смирновой" /А.С.Пушкин - Н.Н.Пушкиной, 28 апреля 1834 г./.

В то же время его нейтрально-литературный вариант "вчера" встречается в письмах 63 раза. Такое соотношение может быть истолковано только как переход слова из активного в пассивный запас разговорного словаря пушкинской речи.

СК содержит контексты нейтрального употребления слова "вчерась" в письмах XIX в., например: "Я перевел вчерась места три из Ариоста, посягнув на него первый раз в своей жизни" /К.Е.Батюшков - Н.И.Гнедичу, 29 декабря 1811 г./; "Приехал я вчерась поздно, сего дни сижу дома: кашель меня держит" /А.Г.Барладин - Н.Н.Раевокому, 3 января 1840 г./.

Более ранние тексты - конца XVIII - начала XIX в. /произведения Крылова, Карамзина и др./ дают многочисленные примеры употребления слова как нормативного не только для разговорной речи и эпистолярная, но и для книжных контекстов. Ср.: "Вчерась же после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого метафизика"

/Карамзин. Письма русского путешественника/. Отражение старых норм – контекст драмы М.Ю.Лермонтова: "Эмилия /Фернандо/. Ко мне ужасные теснятся мысли. Вчерась я видела во сне, что ты меня хотел зарезать" /"Испанцы", д. I, сц. 2/.

Как видно из сопоставления контекстов, стилистический статус слова в языке Пушкина начало его стилистической эволюции.

Вторая группа лексики – просторечная /БАС/, не имеющая помет в Словаре 1847 г., – относилась к верхнему слою просторечия – интеллигентному, дворянскому просторечию, нормы которого были еще близки в начале XIX в. речевому обиходу широких слоев городского населения и крестьянским междиалектным формам речи, но не осмыслились как нелитературные. /Ср. в письмах Пушкина: "струхнуть", "прибить", "нагородить", "наболтаться", "дотащиться", "баламутить", в эпистолярной дружбе Пушкина: "похабничать", "дурь" /П.А. Вяземский/, "глазеть", "окодеть", "провонять", "наврать" /А.И. Тургенев/ и др./ Среди слов этой группы активна бранная лексика.

Контексты этой лексики в письмах Пушкина иллюстрируют характерную черту его речевых норм – изменение общеупотребительной отрицательной оценочности стилистически сниженных слов на положительную, с шутивно-фамильярной окраской. Например: /ласково-шутивно/ "Какая ты дура, мой ангел! Конечно, я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь без письма, так точно как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом" /А.С.Пушкин – Н.Н.Пушкиной, май 1834 г./.

Те же нормы словоупотребления встречаем и в письмах пушкинского окружения. Ср.: /грубовато-шутивно/ "Твою рожу не мог я отдать той, которой ты не называешь, потому что не достало рожки твоей на ее долю" /П.А.Вяземский – А.И.Тургеневу, I ноября 1833 г./.

Экспрессивно-нейтральная лексика этой группы отражает и такой существенный процесс развития разговорной речи, как выход за ее пределы ряда слов, претерпевающих снижение своего стилистического статуса. Таковы, например, слова "кликать" и "помереть".

Слово "п о м е р е т ь" отсутствует в письмах. В художественных текстах Пушкина оно всегда стилистически мотивировано. Таково, например, употребление слова в несобственно-прямой речи персонажа из народной среды в повести "Станционный смотритель": "В сени вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель год как помер, что в доме его поселился пивовар и что она жена пивоварова".

Показательно, что даже последующая история применения слова далеко не так стилистически определена, как у Пушкина. Чаще слово "помереть" употребляется писателями XIX в. в целях стилизации речи персонажей из народа. Например: "Матрена. Что ж жив, скажут? - Анисья. И не говори. Жить не живет и помирать не помирает" /Л.Н.Толстой. Власть тьмы, д. 2, явл. 6/. Однако контексты не однородны. Есть свидетельства употребления слова как абсолютно нейтрального: "Государь помер в Таганроге" /Герцен, "Былое и думы"/ или: "Добрый и любезный Александр Александрович! Александр Сергеевич Пушкин помер, у нас его уже более нету!" /А.В.Кольцов - А.А.Краевскому, 13 марта 1837 г./.

Характер просторечной лексики в языке писем Пушкина и его современников позволяет выделить некоторые черты складывающихся норм литературной разговорной речи и определить влияние на этот процесс Пушкина.

Разговорная речь Пушкина и его кружка вольнее, непринужденнее салонной манерной беседы в отношении экспрессивной ненормативной лексики /ср.: "прощельга", "хрыч"/. Пушкин смело расширяет стилистический диапазон лексики, создавая эмоциональную раскованность разговорного слога. Лексика писем Пушкина отражает и буйную веселость, и интимную грубоватость, и яркую оценочность - все оттенки юмора, иронии, сарказма.

Живое общение в пушкинской среде и художественное отражение разговорной речи в творчестве поэта способствовали утверждению такого речевого обихода, о котором Пушкин писал: "В гостиной светской и свободной был принят слог простонародный и не пугал ничьих ушей живую странностью своей". Вместе с тем, письма Пушкина отражают стилистическое переосмысление ряда слов неэкспрессивного просторечия /таких, как "помереть", "вчерас", "бишь"/. Благодаря активному творческому воздействию Пушкина на язык и созданию писателем особых эстетических условий употребления подобных просторечные слова выходят за границы разговорно-литературной нормы, что способствовало очищению речевого обихода образованного общества от просторечной архаики. Стилистический облик многих слов в языке Пушкина ближе к современному нам, чем к нормам Словаря 1847 г.

Обработка Пушкиным разговорной речи была оценена как огромная заслуга писателя еще современниками. О.И.Сенковский писал в

1834 г. Пушкину: "То, чего совершенно не хватает нашей прозе, - это язык хорошего общества... Нужно изобрести этот язык..., и эта-то слава, я ясно вижу, предназначена Вам, Вам одному, вашему вкусу и восхитительному таланту" /О.И.Сенковский - А.С.Пушкину, июль-август 1834 г./.

В.С.Парсамов

П.И. ПЕСТЕЛЬ КАК "АРХАИСТ"

Из всех декабристов П.И. Пестель привлекал, пожалуй, наибольшее внимание исследователей. Уже в досоветский период накопилась обширная литература. В самых общих чертах можно выделить две концепции. Первая восходит к Герцену, который писал, что Пестель "был социалистом прежде, чем появился социализм"¹. Социализм Пестеля Герцен видит в аграрной реформе, а также в стремлении привлечь народ к участию в революции. В первой концепции Пестель-демократ, непосредственный предшественник социализма или уже социалист. Эта концепция поворачивала Пестеля лицом вперед и рассматривала его идеи сквозь призму отмены крепостного права, народнического движения и первой русской революции.

Вторая концепция была противоположна первой. Она обращала Пестеля лицом назад, в сторону XVIII века. В суммарном виде эта концепция выглядит так: Пестель тесно связан со своей эпохой и со своим классом, стремится к замене самодержавия республиканской диктатурой и сам рассматривается как диктатор. У истоков второй концепции стоит М. Бакунин, который прямо назвал Пестеля диктатором. Политической гениальности Пестеля Бакунин противопоставил народность Пугачева и желал России правителя, синтезирующего в себе оба этих качества². Все сторонники второй концепции единодушно отрицали социализм и демократизм Пестеля.

Со второй половины 20-х годов начался новый этап в изучении

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1975, т. 3, с. 418.

² Бакунин М. Избранные произведения. М., 1920, т. 3, с. 90.

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ,
ЛИТЕРАТУРЫ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ**

/к 85-летию Г.А.Гуковского/

Межвузовский научный сборник

**Издательство Саратовского университета
1984**